

Н. С. Майорова

Епископское служение в контексте решений Поместного Собора 1917–1918 гг. и антирелигиозной политики советской власти

УДК 271.2-732.3-9
DOI 10.47132/1814-5574_2024_2_290
EDN IYMCSJ

Аннотация: В статье осуществлена попытка анализа опубликованных материалов заседаний Поместного Собора 1917–1918 гг., соборных определений и результатов его работы в новых политических реалиях и условиях антирелигиозной политики. Деяния Собора отражают многодневные дискуссии, сопровождавшее их порой бурное обсуждение в процессе выработки и принятия соборных решений, а также противостояние идейных позиций и борьбу группировок при обсуждении вопросов о высшем церковном и епархиальном управлении, правовом положении Русской Православной Церкви, направлениях и перспективах государственно-церковных отношений. Ответственность за соответствие соборных определений канонам, догматам и церковному преданию, а в дальнейшем за претворение решений Поместного Собора в жизнь ложилась на епископат. Из епископата было сформировано соборное Собрание епископов. Иерархи должны были войти и в состав Высшего Церковного Совета. Многочисленные исторические источники дают убедительные доказательства того, что в 1920–1930-е гг. епископское служение стало подвигом во имя Бога для охранения церковных законов, обеспечения единства и самого факта существования Церкви.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Поместный Собор, соборность, высшее церковное управление, Синод, Высший Церковный Совет, патриаршество, святой патриарх Тихон (Беллавин), архиепископ Астраханский Митрофан (Краснопольский), епископат, соборные определения.

Об авторе: **Наталья Сергеевна Майорова**

Кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Костромского государственного университета, доцент кафедры церковно-исторических дисциплин Костромской духовной семинарии.

E-mail: Maiorowan@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7293-7797>

Для цитирования: Майорова Н. С. Епископское служение в контексте решений Поместного Собора 1917–1918 гг. и антирелигиозной политики советской власти // Христианское чтение. 2024. № 2. С. 290–301.

Статья поступила в редакцию 11.02.2024; одобрена после рецензирования 01.03.2024; принята к публикации 23.03.2024.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE [Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 2

2024

Natalya S. Maiorova

Episcopal Ministry in the Context of the Decisions of the 1917–1918 Local Council and Anti-religious Policy of the Soviet Government

UDK 271.2-732.3-9

DOI 10.47132/1814-5574_2024_2_290

EDN IYMCSJ

Abstract: The article analyzes the published proceedings of the 1917–1918 Local Council, conciliar definitions and results of its work in the new political realities and conditions of anti-religious policy. The acts of the Council reflect the multi-day discussions accompanied sometimes by heated discussions in the process of drafting and adopting the conciliar decisions, as well as the confrontation of ideological stances and the struggle of groups when discussing issues of higher ecclesiastical and diocesan administration, the legal status of the Russian Orthodox Church, the directions and prospects of State – Church relations. The responsibility for the conformity of the conciliar definitions to the canons, dogmas and church tradition and then for implementation of the decisions of the Local Council in life fell on the episcopate. The Conference of Bishops was formed of the episcopate. The hierarchs were also supposed to be the members of the Supreme Church Council. Numerous historical sources provide convincing evidence that in the 1920s–1930s episcopal ministry became a feat in the name of God for the protection of the Church Laws and ensuring the unity and the very fact of the existence of the Church.

Keywords: Russian Orthodox Church, Local Council, catholicity, Higher Church Administration, Synod, Supreme Church Council, patriarchate, Patriarch Tikhon, Bishop Mitrofanii (Krasnopolsky) of Astrakhan, episcopate, conciliar definitions.

About the author: **Natalya Sergeevna Maiorova**

Ph. D. in History, Docent, Associate Professor of Department of History at Kostroma State University; Associate Professor of Department of Church History Disciplines at Kostroma Theological Seminary.

E-mail: Maiorowan@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7293-7797>

For citation: Maiorova N. S. Episcopal Ministry in the Context of the Decisions of the 1917–1918 Local Council and Anti-religious Policy of the Soviet Government. *Khristianskoye Chteniye*, 2024, no. 2, pp. 290–301.

The article was submitted 11.02.2024; approved after reviewing 01.03.2024; accepted for publication 23.03.2024.

Поместный Собор 1917–1918 гг. стал одним из важнейших событий в жизни Русской Православной Церкви XX в. Историки и богословы изучали и продолжают изучать соборные деяния, отражающие нелегкий процесс принятия решения о восстановлении патриаршества, противоборство соборных группировок и фракций в ходе обсуждения вопросов о высшем церковном управлении, государственно-церковных отношениях, правовом положении Русской Православной Церкви, епархиальном управлении и приходе. Соборные дискуссии отражают различия во мнениях членов Собора, аргументы и обоснования разнообразных точек зрения, механизмы согласования и выработки итоговых решений. Многочисленные аспекты работы Поместного Собора и принятые им определения неоднократно становились объектом исследования. Свой вклад в разработку проблемы внесли М. А. Бабкин, М. В. Шкаровский, А. Н. Кашеваров, Н. А. Кривошеева, С. С. Фирсов и др. [Бабкин, 2021; Кашеваров, 2019; Фирсов, 2002; Шкаровский, 2010; Шкаровский, 2017; Кривошеева, 2012]. Однако широта постановки исследовательских задач светских и церковных историков делает материалы заседаний Поместного Собора 1917–1918 гг. практически неисчерпаемым историческим источником.

В оценке большинства историков Поместный Собор 1917–1918 гг. не только восстановил принцип соборности, но и создал церковно-канонические основы существования Православной Церкви, стал залогом выживания и сохранения Церкви как социального института в непростых условиях XX в. Такая оценка правомерна, но требует уточнения. Без епископата, принявшего на себя всю тяжесть управления Церковью, выстраивания отношений с государственной властью, репрессий и гонений, обеспечить жизнь и само существование Церкви было бы практически невозможно.

Специфика исторического момента, обусловленная падением монархии и демократизацией общественно-политической жизни, предоставила Православной Церкви, освободившейся от мелочной опеки самодержавного режима, особые возможности. Перспектива обновления жизни Церкви на началах соборности становилась более чем реальна и нашла отражение в тексте послания Св. Синода, посвященного созыву Поместного Собора и датированного 29 апреля 1917 г.: «Издревле господствующее в Православной Церкви выборное начало должно быть проведено во все доступные для него формы церковного управления. Широкое участие всех членов Церкви в делах церковных, при нерушимости присвоенных каждому прав и обязанностей, должно привлечь всех к живой деятельности в пользу Церкви» (Деяния. Кн. 1.1, 1918, 4). Упорядочение внутренней жизни Русской Православной Церкви, нарушенной вследствие длительной зависимости Церкви от государства, введение единообразия в рамках всего церковного организма провозглашались теперь делом всего церковного общества, а не только священнослужителей и епископов. Но именно к епископату, обладающему соответствующими знаниями и опытом, был обращен призыв Св. Синода к деятельному участию в процессе обновления: «Преосвященные архипастыри! На вас ближе всего лежит священный долг руководства вашей паствой в эти смутные, но великие и святые дни Церковного возрождения». Епископам предлагалось стать не только пастырями, но и «соратниками» преобразования церковной жизни, предоставить пастве широкую свободу собраний и союзов. Священнослужителей Синод призывал к единению и «союзу любви» с архипастырями, ведь существование Церкви без епископа нарушает ее каноны и быть не может. К верующим был обращен призыв соблюдать законность и порядок, условием же их достижения могло стать сотрудничество и взаимодействие с пастырями. Следование всех групп обращенным к ним воззваниям могло стать средством укрепления и государственного, и церковного строя. Решения, которые предстояло выработать Собору, следовало согласовывать с церковной властью и соответствовать апостольским правилам, «все должно быть благообразно и по чину» (Деяния. Кн. 1.1, 1918, 5).

В сформированном для подготовки Собора Предсоборном совете архипастыри были представлены двенадцатью епископами: пятью членами Св. Синода (архиепископ Карталинский, экзарх Грузии Платон (Рождественский), архиепископ

Финляндский Сергей (Страгородский), архиепископ Ярославский Агафангел (Преображенский), епископ Самарский Михаил (Богданов), епископ Уфимский Андрей (Ухтомский) и семья епархиальными преосвященными (митрополит Киевский Владимир (Богоявленский), архиепископ Новгородский Арсений (Стадницкий), архиепископ Московский Тихон (Беллавин), архиепископ Тамбовский Кирилл (Смирнов), архиепископ Волынский Евлогий (Георгиевский), епископ Пермский Андроник (Никольский) и епископ Минский Георгий (Ярошевский)¹). Из 62 членов совета представители епископата составили 19,4%. Все десять отделов Предсоборного совета возглавили епископы, но в составе участников, привлеченных к работе совета, преобладали ученые мужи — более 20 профессоров университетов и духовных академий (37,1% от общего числа членов совета). Та же тенденция сохранялась и при выборах членов Собора: помимо уже входивших в состав Предсоборного совета следовало избрать по три члена от четырех духовных академий и по одному члену от Академии наук и одиннадцати университетов. В ходе работы Поместного Собора профессура пользовалась значительным авторитетом и влиянием. Последнее было связано с глубокой научной познаний, частотой и, несомненно, убедительностью их выступлений с высокой соборной трибуны. Профессура внесла серьезный вклад в работу отделов Собора, процесс подготовки проектов решений по важнейшим вопросам. В ходе дискуссий мнения профессуры могли быть как однозначно за, так и однозначно против высказанных в докладах и проектах мнений. Долю ученых мужей определить в числе членов Собора затруднительно в связи с выбытиями, невозможностью участия в заседаниях и изменениями состава соборян. Доля же архипастырей оставалась практически неизменной. Так, из списочного состава в 564 члена в нем участвовали патриарх, девять митрополитов, 17 архиепископов и 53 епископа. Все 80 архипастырей составили 14,2% от общего числа членов. Приблизительная доля профессуры, согласно спискам разделенных на категории членов Собора, составила 8,5%, в том числе члены Предсоборного совета, представители духовных академий и университетов ((Деяния. Кн. 1.1, 1918, 119–133); подсчитано автором).

В день фактического начала соборных заседаний 16 августа 1917 г. к членам Собора обратился протопресвитер Большого Московского Успенского собора Николай Александрович Любимов. В своем приветственном слове он особо отметил широкий состав участников Собора и подчеркнул ценность всех его групп. Епископату, как прямым наследникам и преемникам апостольского служения, Н. А. Любимов адресовал призыв-мольбу верующих: «Озарите светом истины Христовой наш

¹ Судьбы этих архипастырей оказались теснейшим и даже жесточайшим образом связаны с реалиями государственно-церковных отношений в Советской России. Трагизм ситуации проявился в том, что ценой за сохранение Церкви как социального организма становилась жизнь. Так, митр. Владимир (Богоявленский) и еп. Андроник (Никольский) за неприятие действий властей и агрессивной толпы в нападениях на Церковь, ее святыни и имущество были убиты в 1918 г. Архиепископы (впоследствии возведены в сан митрополита) Тихон (Беллавин) и Сергей (Страгородский) в 1917 и 1943 г. соответственно были избраны Патриархами Московскими и всея Руси. Архиепископы (позднее митрополиты) Агафангел (Преображенский), Кирилл (Смирнов) и Сергей (Страгородский) были названы в числе кандидатов на местоблюстительство патриаршего престола. После смерти патр. Тихона каждый из них в разное время и в разные по продолжительности сроки осуществлял руководство Церковью, подвергаясь давлению со стороны органов власти, преследованиям, арестам и ссылкам. Епископ Андрей (Ухтомский) был связан с белым движением и «колчаковским ВЦУ», был арестован и содержался в тюрьме. В 1920-е гг. еп. Андрей, в отличие от митр. Арсения (Стадницкого), отказался от признания местоблюстительства митр. Сергия. На территориях, занятых Белой армией юга России, оказались митр. Платон (Рождественский), еп. Георгий (Ярошевский) и еп. Евлогий (Георгиевский), входившие в состав ВВЦУ юго-востока России. Они были вынуждены покинуть родину вместе с остатками армии генерала П. Н. Врангеля и в той или иной степени были связаны с Русской Православной Церковью за границей (РПЦЗ). Епископ Михаил (Богданов) после разгрома белых на востоке страны оказался в китайском Харбине, также в составе епархии вошедшем в состав РПЦЗ.

помраченный разум: „вложите“ в отягченные плотскими похотями „сердца наша страх блаженных заповедей“ Господних, да „духовное жительство пройдем“ в Церкви Христовой, „мудрствующе и деюще вся, яже к благоугождению Божию“». Протопресвитер Н. А. Любимов высказывал надежду, что ученые дадут Собору свои знания истории и церковных установлений для церковного строительства в современных условиях, священники поделятся духовным опытом для спасения душ верующих, а их знание духовных нужд верующих будет иметь ценность для устройства приходской жизни; задача прибывших на Собор мирян виделась ему в непосредственном участии в церковном строительстве и обновлении (Деяния. Кн. 1.2, 1918, 27–28).

При всем демократизме состава Поместного Собора 1917–1918 гг. роль последней инстанции в принятии его решений была отведена все-таки епископату. Собор должен был определить и установить форму и состав высшего церковного управления. Но согласно п. 10 Устава Поместного Собора, «Правилодательные или иные основоположные постановления Собора приемлют силу соборных определений или посланий лишь по принятии их общим собранием Собора и неотвержения их тремя четвертями голосов Совещания епископов» (Деяния. Кн. 1.1, 1918, 39). Для руководства общими вопросами работы Собора и обеспечения объединения его деятельности, в том числе согласования работы отделов и взаимодействия между ними создавался Соборный совет. Совещание епископов включало архиереев — членов Собора, поэтому присутствие на его заседаниях посторонних лиц было строжайше запрещено. Возглавлять работу Совещания должен был Председатель или один из Товарищей Председателя Собора. Значение этого органа определялось тем, что Совещание в течение трех дней рассматривало соборные постановления на предмет соответствия Слову Божию, канонам, догматам и Преданию Церкви. После обсуждения проводилось поименное голосование епископов, фиксировавшееся личной подписью преосвященного. Отклоненное постановление, при условии обоснования мнения епископов, могло быть вынесено на повторное рассмотрение, но и после этого вновь рассматривалось Совещанием. При вторичном отклонении оно не могло стать соборным определением.

Ни в Уставе Поместного Собора, ни в приветственных адресах и телеграммах, направленных в адрес Собора, ни в выступлениях, прозвучавших с соборной трибуны в первые дни его работы, не говорилось о патриаршестве. Вероятно, и в силу того, что позиция Предсоборного совета в этом вопросе была достаточно сдержанной, принцип соборности однозначно перевесил в нем идею единоначалия в Церкви. Так, член совета Государственного контроля, председатель общества «Соборная Россия» А. В. Васильев упрекал Предсоборный совет в том, что в разработанном им для Собора проекте совершенно не отводилось места патриарху, а в комментариях к документу упор был сделан на том, что идея патриаршества противоречит идее соборности.

Только на десятый день работы Собора — 25 августа — при обсуждении вопроса о составе и организации работы отделов настоятель Успенского храма в Гельсингфорсе прот. А. А. Хотовицкий выразил мнение, что «если учитывать настроение текущего момента, то основным Отделом явится отдел о высшем церковном управлении и здесь напрашивается сам собою в первую очередь вопрос о патриаршестве. Государство наше распадается, рассыпаются окраины, внутренние связи слабеют, — и в церковной жизни все расслоилось и требует объединения» (Деяния. Кн. 1.3, 1918, 140). Вполне естественным образом миссия Поместного Собора от обновления церковной жизни буквально с первых дней его работы стала склоняться в сторону спасения Родины, «обуреваемой внутренними различными ветрами лжеучений, безверия, мятежа и нестроений» (Деяния. Кн. 1.2, 1918, 28). И чем дольше работал Собор, тем более эта задача связывалась с фигурой патриарха.

Соборная дискуссия о восстановлении патриаршества стала набирать обороты по мере роста напряженности политических процессов: выступление генерала Л. Г. Корнилова, подготовка выборов в Учредительное собрание, открытие Предпарламента, большевистский переворот в Петрограде, противостояние между сторонниками

Временного правительства и Советов в Москве. В соборных заседаниях обсуждался и вопрос о возможности/необходимости участия в выборах в Учредительное собрание и формах такого участия. Примечательна в этом отношении позиция, высказанная профессором Петроградской духовной академии Б. В. Титлиновым: «Нам предлагают вступить на тот опасный путь, на который уже вступали церковные организации. Говорят: „Это долг, обязанность наша“. Но другие, от лица которых я говорю, понимают, что наш долг и обязанность воздерживаться от политических выступлений... Религиозность — принцип, необходимый для выборов в Собор, но не в Учредительное собрание... В Уставе Собора сказано, что Собор призван устроить дела Церкви, а не русского государства... Понятие верующий не имеет никакого политического содержания» (Деяния. Кн. 2, 1918, 77–78). Сформулированная Б. В. Титлиновым позиция стала в какой-то мере моделью поведения епископата в условиях антирелигиозной политики, продиктованной, по словам члена Собора преподавателя Урюпинского реального училища Ф. Г. Кашменского, «горячей любовью к Церкви и сердечною заботою о сохранении за служителями ее высокого авторитета в глазах народа» (Деяния. Кн. 2, 1918, 79).

Процесс восстановления патриаршества фактически был начат докладом епископа Астраханского Митрофана, который возглавлял Отдел высшего церковного управления и 11 октября 1917 г. представил членам Собора результаты работы отдела. Буквально в первых словах еп. Митрофан отметил историчность патриаршества и его укорененность в жизни русского православного общества. Но в Русской Православной Церкви патриаршество просуществовало сравнительно недолго. Патриаршество было, но система патриаршего управления не сложилась. Под влиянием внутренних смут и стремления власти втянуть патриаршество в общественные и государственные дела развитие этого церковного института тормозилось. Введенное Петром I синодальное управление Церковью и отсутствие патриарха, по мнению еп. Митрофана, вполне справедливо и обоснованно вызвало упреки о безглавии, акефалии Русской Церкви, не выполняющей основного канона о первом епископе. Мысль о патриархе была «золотой мечтой», сиявшей тем ярче, чем тяжелее были условия, в которых оказывались государство и общество. Разруха государственной жизни актуализировала постановку вопроса о патриаршестве: «Если бы во главе Церкви была живая личность, был бы подвиг и дерзновение». В отличие от «бездушных» воззваний Св. Синода, патриаршие послания могли быть более вдохновенными, глубокими и действенными. Духовная коллегия не отвечает запросам общества и не сможет его спасти: «Народ желает видеть во главе жизни церковной живую личность, которая собрала бы живые народные силы. И голос такой личности, несомненно, найдёт живой отклик в сердце народном. А как нам нужен этот голос, этот призыв к покаянию, исправлению, обновлению!» Роль патриарха еп. Митрофан обозначил как роль духовного лидера, который «вдохновлял бы сердце русского народа, призывал бы к исправлению жизни и к подвигу и сам первый бы шел впереди. Без вождя нигде не бывает, и в церковной жизни также» (Деяния. Кн. 2, 1918, 225–229). В выступлении преосвящ. Митрофана патриарх рисовался богатырем, призванным стать гарантом сохранения церковного единства и преодоления развала страны, «духовным цементом» для укрепления мощи Церкви. Такое восприятие патриарха, излишнее, как отмечалось, преувеличение его значения и вытекающая отсюда абсолютизация патриаршей власти вызвали жаркие споры в целом ряде заседаний Собора. Высказывалось сомнение и в возможности найти в Церкви личность, которая удовлетворяла бы столь высоким, сверхчеловеческим требованиям, к ней предъявляемым.

В особом мнении, высказанном представителями ученого сообщества², подчеркивалась неправильность действий Собора в вопросе патриаршества. В качестве аргументов своей позиции противники патриаршества ссылались на отсутствие

² Под текстом обращения подписались профессора Киевской духовной академии П. П. Кудрявцев, Новороссийского университета А. И. Покровский, Петербургской духовной академии Б. В. Титлинов, Томского университета П. А. Прокошев и др.

определенности в отношении прав и обязанностей патриарха, организации и логики деятельности будущих Соборов, а также несовместимости и противоречия между принципами соборности и единоначалия. В том же духе, хоть и являясь сторонником восстановления патриаршества, высказался в своей речи и граф Д. А. Олсуфьев. Он подчеркнул, что главный вопрос текущего момента — вопрос соборности: «Существеннейшие вопросы в деле реформы церковной — это утверждение соборности и восстановление Соборов. Когда эти основные вопросы будут выяснены, тогда уже следует поставить и вопрос о возглавлении Собора митрополитом или патриархом... Была велика Русская Церковь при патриархах, была и без них. Это фасад, а не основание церковного здания» (Деяния. Кн. 2, 1918, 240).

В ответ на высказанные в ходе продолжительных и довольно бурных дискуссий сомнения как глава Отдела преосвящ. Митрофан твердо настаивал на необоснованности опасений, что патриарх сможет возвыситься над Церковью, поскольку он будет только первым среди епископов, а высшая церковная власть так и останется у Поместного Собора: «Нам нужен Патриарх, как церковно-молитвенный председатель Русской Церкви, представитель подвига и дерзновения, и как стоятель за Русскую церковь. Все остальное — подытожил еп. Митрофан, — не имеет значения» (Деяния. Кн. 2, 1918, 234). В контексте понимания произошедших в стране событий сложно не признать правоты еп. Митрофана. Ту же точку зрения разделял и архиепископ Кишиневский Анастасий, высказавший суждение, что и при детальной разработанности общих положений, касающихся Собора, возвращение к вопросу о патриаршестве совершенно неизбежно. Однако разработка положения о правах и обязанностях патриарха ставилась в зависимость от требований жизни, государственности, состояния ее и государственно-церковных отношений. «Патриаршество не форма церковного управления, а живая организационная сила, средоточие нравственного единения. Что касается Соборности, которая является основой церковной жизни, то она преподносится нам не в смысле отвлеченного канонического начала, а в виде живого факта, осуществившегося в самом созыве Собора. Сама идея патриаршества вышла из Собора», родилась сама собой и прошла естественный путь становления и развития. В условиях, когда разрывается, рушится союз между Церковью и государством, «Церковь становится воинствующей и должна защищаться не только от врагов, но и от лжебратий. А если нет, то для Церкви нужен и вождь» (Деяния. Кн. 2, 1918, 257–258).

Рассуждения о патриархе как о вожде, способном злоупотребить властью или не суметь воспользоваться ею, звучали в ходе соборных дискуссий неоднократно. Высказывались и мнения о попятном развитии Церкви, которая из века XX шагнет в век XVII, о невозможности преодолеть путем утверждения единоначалия отсталости российского общества от западноевропейского, о разрушении и гибели Церкви. Протоиерей Н. П. Добронравов — законоучитель Московского Александровского военного училища, входивший и в состав Предсоборного совета, высказал опасения, что патриаршество из «золотой мечты» превратится в серенькую действительность. Основанием для такого опасения прот. Н. П. Добронравов считал предложенную отделом формулу: «Что вы этим проектом дадите патриарху? Ничего! Это какой-то пигмей, а вы требуете, чтобы он был великаном. Вы даете ему силу лилипута, а требуете от него богатырских подвигов... Что-нибудь одно из двух: или говорите прямо, что вы хотите дать патриарху всю полноту власти. Но тогда мы вам на это скажем: укажите такого человека, которого бы эта власть не раздавила. Мышонок львом не станет, и нельзя его украшать львиною гривой» (Деяния. Кн. 3, 1918, 352).

Сомнения в том, что в Русской Церкви есть личность, наделенная необходимыми качествами, высказывал и профессор Петроградской Духовной академии Б. В. Титлинов: «Нужно, чтобы была такая личность, которая имеет нравственное обаяние. Такой личности на нашем горизонте не видно. В наше время важна психология не индивидуальная, а общественная. А для общественной психологии идея патриаршества не говорит ровно ничего» (Деяния. Кн. 2, 1918, 358). Время и историческая действительность скорее опровергли, чем подтвердили его мнение.

Противники патриаршества переходили в стан его сторонников, выдвигая в его пользу все новые и новые аргументы, например такие: «Надо разруху народную уничтожить. Для этого народу надо полюбить кого-либо и идти за ним»; «Патриарх вековое сокровище, каким живет русская душа»; «Злая власть, деспотическая власть, не хороша, но бесспорно и то, что отсутствие власти и ее влияния тоже нежелательно... Никакую войну нельзя вести без вождя. А ведь для церкви наступает именно такое время, когда ей придется вести войну» (Деяния. Кн. 2, 1918, 270, 282, 295). Напряжение напряженности в обществе, противостояние и кровопролитие в Москве в октябре-ноябре 1917 г., конечно, наводило на мысли о войне. При этом епископы, вовлеченные в переговоры с представителями советской власти об обстрелах кремлевских храмов и расстрелах юнкеров, готовы были на самопожертвование ради достижения мира. Но вызывает некоторое недоумение то обстоятельство, что в ходе дискуссии о патриархе не говорилось о роли епископов как вождей, пусть и местного масштаба, особенно в контексте решения, что избран предостоятель должен был быть именно из епископата³. Вероятным ответом на это логическое затруднение может служить тот факт, что образ епископа синодального периода был в значительной степени дискредитирован. Епископы часто были перемещаемы с одной кафедры на другую, вследствие чего не имели возможности установить достаточно прочные и доверительные отношения с населением епархии, к тому же некоторые епископы из-за модели поведения, отрыва от собственно монашеской жизни и связей с Г. Е. Распутиным воспринимались не иначе как «сатрапы в рясах». Своеобразная «революция в Церкви» выразилась в смещении епархиальными съездами духовенства и мирян самых одиозных епископов с их кафедр и избрании на вакантные кафедры, пусть и с нарушением церковных правил, более отвечавших запросам церковного общества кандидатов. Моральный облик избранных архиереев вызывал значительно большее доверие у паствы, и все это позволяло надеяться на уврачевание многих проблем церковной жизни, обусловленных отрывом архипастырей от паствы.

Священник Уфимского кафедрального собора В. И. Востоков в своей эмоциональной речи попытался сгладить все-таки сохранявшееся недоверие к епископату. Он практически обращал к Поместному Собору требование дать церковного отца, который бы принял на себя страдания «за горе Руси, умолял бы не губить ее, печаловался бы за народ, вразумлял его, а для темных сил, которые уведут народ от Христа и Церкви, хотя бы они сидели на правительственных местах, был грозным обличителем... У нас есть епископы, которые являются руководителями своих епархий. Но ни один самый боголюбивый епископ не в силах высказать печаль, сказать слово за всю и на всю Русь». Священник уповал на опыт членов Собора, который и станет основанием для избрания «требуемого» патриарха — «человека не слова, а дела и исповедничества» (Деяния. Кн. 2, 1918, 305–306).

Профессор МГУ доктор государственного права князь Е. Н. Трубецкой настаивал, что в сложные моменты Церкви требуется власть, способная к принятию быстрых решений, и власть эта единоличная, а не коллегиальная. Патриарх, по мнению Е. Н. Трубецкого, должен был стать центром, своеобразным средоточием церковной соборной жизни: «В минуты угрожающей Церкви опасности он может собрать церковный собор. Он тотчас разошлет во все концы телеграммы, и в ту же минуту, по знаку патриарха, везде будут совершать богослужения, всюду соберутся маленькие соборы,

³ Не имея возможности участвовать в заседаниях Собора из-за происходивших в Москве боев, член Предсоборного совета присяжный поверенный Н. Д. Кузнецов высказал свое мнение в записке «Основания, приводимые для учреждения патриаршества», которая была опубликована в приложениях к деянию XXXI. В ней автор подчеркнул, что в синодальный период «русские епископы обратились преимущественно в административных духовных сановников, у которых отсутствуют достаточные нравственно-духовные отношения с паствой и духовенством, ослаблен в сознании народа пастырский авторитет, охлаждение народа к Церкви, поддерживаемое устранением народа от всякого участия в делах церковных и непонимания им своего положения» (Деяния. Кн. 4, 1918, 41).

будут совершаться крестные ходы и отовсюду раздастся голос, который будет требовать от правительства одного и того же. Правительство зависит от выборов, а выборы делает народ». Этот аргумент князь Трубецкой назвал доводом целесообразности на чаше весов в пользу восстановления патриаршества. Привел он и доводы религиозные: патриарх как носитель власти служит живым примером, центром соборного единения, собирателем рассеянного стада, силой, которая поддержит в умах людей идею национального и религиозного единства. Опасения, что патриарх нарушит принцип соборности, Е. Н. Трубецкой считал напрасными: «Патриарх при новых государственных условиях не будет располагать внешней государственной силою: он — центр православного духовенства и народа, вся его сила в соборности» (Деяния. Кн. 2, 1918, 308–309). Аналогичное суждение высказал и профессор Пермского университета Н. Н. Фиолетов, подчеркнувший, что, в отличие от Западной Церкви, для Церкви Православной характерно понятие о власти не как о господстве, а как о служении. С этой точки зрения устраняется кажущееся логическое противоречие между Апостольскими правилами, утверждающими независимость епископата в делах епархии, и общецерковными делами, в которых единоличное начало сочетается с соборностью. И дела патриарха — дела организации Церкви, почина и попечения.

На заседании 28 октября 1917 г. было озвучено предложение прекратить прения и приступить к голосованию. С предложением, подписанным более чем 60 членами Поместного Собора, выступил прот. П. Н. Лахостский. Он высказал опасение, что дискуссия угрожает затянуться и Собор утонет в море слов в тот самый момент, когда счет идет уже не на дни, а на часы и минуты. Соборные заседания по воле власти могут прекратиться любой момент, Церковь окажется беспомощной и не сможет реагировать на происходящие изменения.

Право выступить с заключительным словом было предоставлено главе отдела высшего церковного управления. Опровергая циркулировавшие слухи о том, что якобы многие архиереи добиваются «чести патриаршества», еп. Митрофан сказал: «Быть Патриархом, значит идти на крестный подвиг. На это не все согласны» (Деяния. Кн. 3, 1918, 8). Епископ Митрофан попытался подвести итоги многодневной дискуссии и обобщить все за и против восстановления патриаршества. Аргументы за оказались более весомы. 30 октября 79 членов Собора обратились с заявлением о необходимости немедленно приступить к избранию патриарха. На следующий день были определены три кандидата на патриаршество: архиепископы Харьковский Антоний (Храповицкий) и Новгородский Арсений (Стадницкий) и митрополит Московский Тихон (Беллавин). 5 ноября 1917 г. митр. Тихон был избран Патриархом Московским и всея России.

В начале 1918 г. Собор возобновил работу в еще более тяжелых, чем прежде, условиях. На первом же заседании было принято решение о проведении заседаний при наличии любого числа участников, поскольку ожидание необходимого кворума и промедление в принятии основополагающих решений могло хронологически совпасть с невозможностью продолжения работы Поместного Собора. Профессор Н. М. Громогласов в рамках обсуждения Патриаршего послания от 19 января (1 февраля) 1918 г. высказал мнение, что патр. Тихон выступил с посланием до начала заседаний второй сессии Собора не потому, что стремился противопоставить себя Собору и отмежеваться от всецерковного представительства, а потому что готовился принять лично на себя последствия этого шага.

Поместный Собор восстановил патриаршество. Патриарх возглавлял церковное управление — Священный Синод и Высший Церковный Совет (ВЦС), являлся первым среди равных ему епископов и был подотчетен Собору. Принятое 8 декабря 1917 г. соборное определение устанавливало круг прав и обязанностей патриарха. Священный Синод должен был состоять только из иерархов, ВЦС — из иерархов, клириков и мирян. Значение епископата сохранялось, поскольку именно Св. Синод ведал делами «иерархическо-пастырского характера», касающимися внутрицерковной жизни в вероучительной и богослужебной областях, делами церковного управления и церковной дисциплины. В ведение ВЦС переходили административно-хозяйственные,

контрольно-ревизионные и школьно-просветительские дела. Принятые Поместным Собором определения не могли быть реализованы в условиях проводимой властью антирелигиозной политики. Так, из прописанных в определении «О правах и обязанностях Святейшего Патриарха Московского и всея России» шестнадцать положений п. 2 патр. Тихон в большей или меньшей степени мог осуществлять только «попечение о внутреннем и внешнем благосостоянии Российской Церкви... долг печалования пред государственною властью», обращение с «учительными посланиями и пастырскими воззваниями» и «попечение о своевременном замещении епархиальных архиерейских кафедр» (Собрание, 1918, 4–6). Возможности церковного управления были затруднены отсутствием у Церкви прав юридического лица, собственности, духовных школ и типографий, возможностей взаимодействия с автокефальными Церквями, ликвидацией монастырей, ограничениями свободы иерархов и священнослужителей. Тем более совместное присутствие Св. Синода и ВЦС не могло осуществить действия по «защите прав и привилегий» Русской Православной Церкви.

Проект организации епархиального управления включал в себя положения о епархии, ее устройстве и учреждениях, о епископе, епархиальном совете и правлении. Обсуждение проекта, выработанного отделом Собора, велось спешно, в условиях, когда подготовка печатных материалов для рассмотрения соборными была затруднительна, а большинство записавшихся докладчиков отсутствовали на заседании.

Предстоятелем местной Церкви оставался епархиальный архиерей, но теперь управлять епархией он должен был не единолично, а при соборном содействии клира и мирян (Собрание, 1918, 17). Полнота иерархической власти епископа была абсолютной в делах вероучения, священнодействия и пастырского душепопечения. Принцип соборности как основа церковной жизни пронизывал ее сверху донизу. Так, по освобождению епархиальной кафедры кандидатуры на ее замещение определялись и Синодом, и епархией, а в выборах епархиального архиерея предполагалось участие и архиереев, и клириков, и мирян. По словам выступавшего с проектом на соборном заседании 25 января 1918 г. епископа Челябинского Серафима (Александрова), такой порядок позволял учесть и согласовать интересы трех сторон: епархии, епископата и высшей церковной власти. Епископ Минский Георгий (Ярошевский) внес уточнение, что согласно правилам Вселенских Соборов участие епископов в выборах имеет первостепенное значение, в то время как искание и просьбы, исходящие от народа, — вторичны. Доказывая желательность выборов епископа, профессор Петроградского университета прот. А. В. Смирнов подчеркнул, что спасение Церкви зависит от верующего общества, которое, даже зная недостатки кандидата, все-таки сможет сплотиться вокруг него (Деяния. Кн. 6, 1918, 68). В отношении кандидатов устанавливался возрастной ценз в 35 лет и требования соответствия «высокому званию» по уровню образования, богословским знаниям и нравственным качествам⁴.

При архиерее должны были действовать органы епархиального управления — епархиальное собрание и епархиальный совет (в их состав входили представители из клира и мирян). Однако абсолютной властью они не обладали, а их решения могли быть претворены в жизнь только при наличии согласия главы епархии.

Епископы и «первый среди равных ему епископов» — патриарх, сыграли значительную роль и принесли огромную жертву ради существования Церкви, поскольку антирелигиозная политика в значительной мере была направлена на борьбу

⁴ Примечание 1 к гл. 2 определения Поместного Собора «Об епархиальном управлении» от 4–9 (14–22) февраля 1918 г. гласило, что «в исключительных и чрезвычайных случаях, ради блага церковного, допускается назначение и перемещение Архиереев высшею церковною властью». Именно на основе этого примечания осуществлялось замещение епископских кафедр на территории СССР до начала 1940-х гг., но многие епископы, осужденные и приговоренные к ссылкам и лагерям, приступить к управлению епархией и собственно епископскому служению не могли. Соответствие установленным Собором требованиям жестко касалось принадлежности к монашествующим и сравнительно лояльно затрагивало образование и богословские знания.

с православием и Русской Церковью. Невозможно отрицать, что нерешительность и колебания, до созыва Собора имевшие место в Св. Синоде, а также проявившиеся в деятельности самого Собора, отошли на второй план с момента, когда Церковь вновь обрела духовного лидера, нравственного вождя в лице патр. Тихона (Беллавина). Преемственность патриаршей власти через определение кандидатов на местоблюстительство патриаршего престола, построение структуры органов церковного управления, определение круга прав и обязанностей епархиального архиерея в делах утверждения и распространения православной веры, духовного образования, управления и руководства деятельностью духовенства, организация прихода, — все это создало возможности для осуществления церковной жизни в условиях, когда жизнь эта была невозможна в принципе. И личный фактор стал определяющим. Масштаб личности епископа, его человеческие качества и вызываемая ими народная любовь имели огромное значение в периоды агрессивной антирелигиозной политики и гонений на Церковь. Невозможно игнорировать и следующее примечательное обстоятельство. На излете синодального периода епископы ввиду частых своих перемещений с кафедры на кафедру не имели прочных связей с духовенством и верующими управляемых епархий, воспринимались общественным сознанием скорее как чужаки и олицетворение господства высшей церковной власти, не пользовались ни особой любовью, ни уважением. Член Собора от Тверской епархии В. Г. Рубцов отмечал, что назначение епископов имело множественные дефекты и уродливости, епископы не знали своей паствы, а паства — пастыря. И те же епископы в послереволюционный период вдруг стали объектами забот, поддержки и защиты верующих. Революция 1917 г. свергла епископат с вершины церковной пирамиды, растворила в православном обществе и уравнила — не саном и статусом, но лишениями и испытаниями — с простыми верующими. И вот уже не ожидавшие и не требовавшие к себе особого отношения и преклонения епископы совершенно естественным образом оказались исполненными духовной силы и достойными уважения.

Отдельные факты биографий в связи с анализом текстов воззваний и посланий, личных писем, воспоминаний, материалов следственных дел церковных иерархов — патр. Тихона (Беллавина), патр. Сергия (Страгородского), митр. Арсения (Стадницкого), еп. Афанасия (Сахарова), еп. Луки (Войно-Ясенецкого) и других — дают убедительные доказательства того, что епископское служение понималось не как источник власти и личного благополучия, а как средство охранения церковных законов, обеспечения единства Церкви и реализации ее высокой миссии. Для большинства преосвященных владык епископская хиротония была отнюдь не случайна и глубоко прочувствована. Епископское служение в условиях советского государства стало угрозой для сохранения свободы и несло опасность для жизни, но и эти обстоятельства не мешали епископам принимать на себя дополнительные обязанности по управлению епархией и всю Церковь.

Источники и литература

Источники

1. Деяния. Кн. 1.1 (1918) — Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви. М., 1918. Кн. 1. Вып. 1.
2. Деяния. Кн. 1.2 (1918) — Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви. М., 1918. Кн. 1. Вып. 2.
3. Деяния. Кн. 1.3 (1918) — Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви. М., 1918. Кн. 1. Вып. 3.
4. Деяния. Кн. 2 (1918) — Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви. М., 1918. Кн. 2. Вып. 1.

5. Деяния. Кн. 3 (1918) — Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви. М., 1918. Кн. 3.
6. Деяния. Кн. 4 (1918) — Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви. М., 1918. Кн. 4.
7. Деяния. Кн. 6 (1918) — Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви. М., 1918. Кн. 6.
8. Собрание (1918) — Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 1918. Вып. 1.

Литература

9. Бабкин (2021) — *Бабкин М. А.* Священство и Царство (Россия, начало XX в. — 1918 г.). Исследования и материалы. М.: Индрик, 2021.
10. Кашеваров (2019) — *Кашеваров А. Н.* Поместный собор 1917–1918 гг. и отношение Православной церкви к Советской власти и ее религиозной политике // Российская история. 2019. № 1. С. 179–190.
11. Кривошеева (2012) — *Кривошеева Н. А.* Реакция Поместного Собора 1917–1918 гг. на происходящие в стране события // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2012. № 22–1. С. 87–99.
12. Фирсов (2002) — *Фирсов С. С.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 гг.). М.: Духовная библиотека, 2002.
13. Шкаровский (2010) — *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Лепта книги, 2010.
14. Шкаровский (2017) — *Шкаровский М. В.* Всероссийский Поместный Собор 1917–1918 гг.: его значение в жизни Церкви в советский период // Христианское чтение. 2017. № 6. С. 228–241.